

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА ЮЛИАНА ВЛАДИМИРОВИЧА БРОМЛЕЯ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/7-22

Научная статья

© *О. Е. Казьмина, Т. Д. Соловей*

«БРОМЛЕЕВСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Статья представляет собой комплексный анализ так называемого «бромлеевского поворота» — ключевого этапа в развитии советской этнографии, связанного с научной и организационной деятельностью академика Ю. В. Бромлея (1921–1990). Основное внимание уделяется содержанию и влиянию его «теории этноса», которая в 1970–1980-е годы стала метанарративом советской этнографии. Авторы убедительно показывают, что эта теория была не только внутренним продуктом динамики научной дисциплины, но и стала ответом на вызовы времени. Теория этноса позволила радикально пересмотреть предметное поле этнографии. Она сместила фокус с изучения этнической истории и традиционной культуры к анализу функционирования этнического в современности. Авторы показывают, как бромлеевская теория этноса стимулировала формирование пограничных дисциплин на стыке этнографии с социологией, демографией, лингвистикой и психологией и др. (этносоциология, этносоциолингвистика, этнодемография, этнопсихология и др.). Этот «этнологический поворот» существенно расширил исследовательскую оптику, позволив изучать роль этнического фактора в различных социальных сферах. При этом, как подчеркивается в статье, именно теория этноса сохраняла качественную определенность и предметную целостность этнологии, не давая ей раствориться в смежных областях знания. Особое внимание уделяется эволюции отношений между головным академическим центром — Институтом этнографии АН СССР, и ведущей вузовской кафедрой этнографии — кафедрой этнографии МГУ. Показан переход от вынужденного симбиоза послевоенных лет через период сепарации к новому этапу плодотворного партнерства в 1970–1980-е годы. Это сотрудничество, основанное на теоретико-методологическом единстве, воплотилось в совместных публикациях и замкнутом цикле подготовки кадров. В заключении сопоставляются «этнологический поворот» бромлеевской эпохи с более поздним «антропологическим поворотом». Авторы утверждают, что границы предметного расширения должны определяться не междисциплинарной всеядностью, а исторической логикой развития дисциплины.

Казьмина Ольга Евгеньевна — д. и. н., профессор, заместитель декана по международному сотрудничеству, заведующая кафедрой этнологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4). Эл. почта: okazmina@inbox.ru

Соловей Татьяна Дмитриевна — д. и. н., профессор кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119192 Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4). Эл. почта: tsolovei19@yandex.ru

Ключевые слова: Ю.В. Бромлей, теория этноса, советская этнография, этнологический поворот, междисциплинарность, Институт этнографии АН СССР, кафедра этнографии МГУ

Ссылка при цитировании: Казьмина О. Е., Соловей Т. Д. «Бромлеевский поворот» в советской этнографии // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 7–22.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/7-22

Original article

© *Olga Kazmina, and Tatiana Solovei*

THE “BROMLEYAN TURN” IN SOVIET ETHNOGRAPHY

The article analyzes the so-called “Bromleyan turn” — a key stage in the development of Soviet ethnography connected with the work of Academician Yu. V. Bromley (1921–1990). The main focus is made on his “theory of ethnos,” which became the metanarrative of Soviet ethnography in the 1970s–1980s. The authors demonstrate that this theory was not only an internal product of the dynamics within the discipline but also a response to the challenges of the time. The theory of ethnos allowed a radical rethinking of ethnography’s subject field. It shifted the focus from studying ethnic history and traditional culture to analyzing the functioning of ethnicity in modernity. The authors show how Bromley’s theory of ethnos stimulated the formation of borderline disciplines between ethnography on the one hand and sociology, demography, linguistics, psychology on the other (ethnosociology, ethnosociolinguistics, ethnodemography, ethnopsychology, etc.). This “ethnological turn” significantly expanded the research lens and enabled the study of the role of ethnicity in various social spheres. At the same time, it was precisely the theory of ethnos that maintained the integrity of ethnology as a subject, preventing it from dissolving into adjacent fields. Special attention is paid to the evolution of relations between the leading academic center — the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences — and the leading university department of ethnography — the Department of Ethnography at Moscow State University. The article traces the transition from the compelled symbiosis of the post-war years through a period of separation to a new stage of fruitful partnership in the 1970s–1980s. This cooperation, based on theoretical and methodological unity, was embodied in joint publications and a closed cycle of personnel training. In conclusion, the “ethnological turn” of the Bromley era is compared with the later “anthropological turn.” The authors argue that the boundaries of subject expansion should be determined not by interdisciplinary omnivorousness but by the historical logic of the discipline’s development.

Keywords: Yu. V. Bromley, theory of ethnos, Soviet ethnography, ethnological turn, interdisciplinarity, Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, Moscow State University Department of Ethnography

Authors Info: **Kazmina, Olga E.** — Doctor of History, Professor, Deputy Dean, Head of the Ethnology Department, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: okazmina@inbox.ru

Solovei, Tatiana D. — Doctor of History, Professor, Ethnology Department, Faculty

of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: tsolovei19@yandex.ru.

For citation: Kazmina, O. E., and T. D. Solovei. 2026. The “Bromleyan Turn” in Soviet Ethnography. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 7–22.

Среди ученых есть фигуры, которые не просто вносят вклад в развитие науки, но и раздвигают предметные рамки дисциплины, создают метанарратив, определяющий ее развитие на протяжении длительной перспективы; и даже после дезавуирования этих идей новыми поколениями ученых, они продолжают оказывать влияние на теоретические дискуссии. В этнологии такой фигурой, бесспорно, стал Ю. В. Бромлей. Перефразируя известное выражение, большое не только видится на расстоянии, но остается видимым и по прошествии времени. Данная статья приурочена к юбилейной дате: в 2026 г. исполняется 105 лет со дня рождения Юлиана Владимировича Бромлея (1921–1990) — выдающегося ученого, с 1966 по 1989 г. возглавлявшего Институт этнографии Академии наук.

С именем Ю. В. Бромлея связывают, прежде всего, теорию этноса — метанарратив советской этнографии, определявший ее облик с 1970-х годов и до окончания советской эпохи. Но фактически эта масштабная концептуализация не просто стала теоретическим стержнем, но и существенно поменяла и сильно раздвинула предметные рамки этнографии/этнологии.

Концепты и принципы «добромлеевской» этнографии

В России становление и дисциплинарное оформление этнологии (этнографии) происходило во второй половине XIX в. (подробнее см.: Соловей 2022). Отечественная этнология формировалась как наука о народах, предполагая комплексный характер изучения разных этнических групп в поликонфессиональном и полиэтническом пространстве Российской империи. В классический период русской этнографии (конец XIX — начале XX в.), с его акцентированием исторического аспекта исследований, по традиционной культуре (зачастую ретроспективной или архаизированной, по крайней мере, в отношении ряда регионов) был накоплен массивный эмпирический материал, позволивший создать теоретические обобщения по целому ряду проблем.

Методологическим стержнем советской этнографии, выкованным в 1930-х годах, являлась «формационная теория», а ее «красной нитью» — идея «эволюции». В послесталинский период, особенно после XX съезда КПСС, в теоретический оборот был введен ряд подходов, расширявших возможности научной концептуализации и теоретизирования в этнографии (Советская этнография 2022).

Одним из ярких достижений 1950-х — 1960-х гг., отражавшим успехи отечественной этнографии в области изучения этногенеза, этнической истории, традиционной культуры, стало издание монументальной серии «Народы мира. Этнографические очерки» (Народы 1954–1966) под общей редакцией С. П. Толстова. Определенный разворот к современности, а его необходимость осознавалась как С. П. Толстовым, так и некоторыми другими учеными, вылился в подготовку тома «Численность и расселение народов мира» (Численность 1962), посвященного актуальному этническому составу населения мира. Заметим попутно, работа над серией в целом и над томом «Численность и расселение народов мира» дала мощный импульс развитию отечественной этнической кар-

тографии (серия содержала большое количество карт), составившей международную славу советской этнографии. В 1964 г. вышел «Атлас народов мира» (Атлас 1964), до сих пор по своей полноте и детальности не имеющий аналогов в мире.

Наиболее важной из теоретических новаций «средней» советской эпохи стала концепция «хозяйственно-культурных типов» М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова: постулировалось существование ряда фундаментальных форм культуры, основанных на различном экономико-экологическом фундаменте. Новая концепция работала в подтверждение и обогащение формационной теории, придавая абстрактной социологической схеме динамизм и наполняя ее жизнью. Если эволюционная теория носила «вертикальный» характер, указывая общий вектор развития человечества, то экономико-культурная типология — «горизонтальный», раскрывая альтернативные варианты человеческой истории и культуры. Однако эвристический потенциал концепции «ХКТ» был ограничен, а сама концепция была всего лишь дополнением к эволюционной теории и обеспечивала конкретно-историческое наполнение формационной схемы.

Изучение современного этнического состава в отличие от изучения традиционной культуры требовало иной теоретической оснастки, как, впрочем, и расширения взгляда на сам предмет этнографии. Символично, что именно в 1966 г., в год завершения издания серии «Народы мира. Этнографические очерки» в Институт этнографии пришел новый директор — Ю. В. Бромлей, историк-медиевист, славист, функционер Отделения истории Академии наук. Очевидно, приход в институт в момент явно назревавших концептуальных и методологических перемен на пост директора человека, не отягощенного инерцией предыдущего дискурса, был на пользу отечественной этнографии (подробнее см. *Карлов 2021: 11–14*).

Теория этноса как метанарратив советской этнографии

На рубеже 1960–1970-х гг. в теоретической лаборатории советской этнографии, решающими усилиями Ю. В. Бромлея, сформировалась новая большая теория не менее масштабная и амбициозная, чем формационная, и в определенном смысле альтернативная ей. Причем, если «пятичленка» была привнесена в этнологию извне, что создавало неизбежные и неразрешимые сложности с ее адаптацией к профессиональной проблематике, то теория этноса была результатом внутринаучной динамики, которой благоприятствовал внешний контекст, актуализацией давнишних теоретических потенциалов русской этнологии.

В историографии за этой конструкцией справедливо закрепилось наименование «советской теории этноса»: ее различные интерпретации и модификации базировались на общей системе понятий и жанровых принципов и имели общий методологический источник.

Разработка этого интеллектуального продукта и тематизация им советской этнографии стали ответом на кардинальное изменение мирового и внутрисоюзного контекста, где даже недеформированному профессиональными абберрациями взгляду был очевиден взрыв этничности и подъем национализмов. Распад и ликвидация колониальной системы с образованием множества новых государств, «воспаление» старых этнических швов и появление множества быстро политизировавшихся этнических движений, непредвиденное обострение межэтнических проблем в СССР — все это была новая и тревожная реальность 1960-х — 1970-х годов, действительно

требовавшая своего осмысления. Причем новой и неожиданной она оказалась не только для советской, но и для западной науки, где тематика этничности и национализма традиционно находилась на интеллектуальной периферии.

Хотя советская этнография и западная социальная/культурная антропология столкнулись с общим и одинаково новым для них глобальным вызовом, они занимали различные наблюдательные позиции и были вооружены разным теоретическим инструментарием. Ввиду политико-идеологических ограничений советская этнография не могла развернуть полномасштабное изучение современности, а непосредственный анализ актуального внутреннего национализма и его причин вообще был исключен из сферы ведения науки. Поэтому взор советской этнографии неизбежно обращался к поискам метанарратива — сквозного сюжета, охватывавшего развитие этнической «субстанции» в длительной исторической ретроспективе, связывавшего прошлое с настоящим и позволявшего заглянуть в перспективу.

На роль такой «связи времен» оптимально подходил концепт этноса, сформулированный в 10–20-е годы XX в. русскими учеными Н. М. Могилянским и С. М. Широкогоровым, и после некоторой паузы вновь вышедший на научную авансцену на рубеже 1940–1950-х годов. С профессиональной точки зрения у него было несколько очень важных достоинств. Он переключал методологию этнографии с имплантированного в нее (и неорганичного ей) социально-классового подхода на этнический фактор, что вело к радикальному видоизменению ее предметно-объектного поля и повышению статуса. Из части истории, занимающейся «этнографическими древностями», этнография потенциально становилась изучением одного из нервов современности.

Теория этноса интегрировала традиционную и новую этнографическую проблематику, соединяя изолированные части в сквозной сюжет. Втягиваясь в поле мета-теории, все тематические сюжеты этнографии проходили позитивную переоценку.

В то же время взгляд на современность через призму этноса (этнического) позволял изображать ее крупными импрессионистскими мазками, избегая деталей и нюансов, которые по политико-идеологическим соображениям не рекомендовалось замечать.

В советском контексте в профессиональной среде теория этноса ассоциировалась с именем Ю. В. Бромлея (*Бромлей* 1973; *Бромлей* 1983), в постсоветскую эпоху и среди широкой публики — с именем Л. Н. Гумилева (последний предложил стилизованную фразеологию современной генетики «ландшафтно-географическую» концепцию этноса, одним из исходным пунктов, которой, видимо, послужила теория солнечной активности А. Л. Чижевского).

Центральной категорией в концепции Ю. В. Бромлея выступал народ/этнос (этническая общность) в бинарной форме этникоса и ЭСО — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих общими чертами и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык), а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных групп. Оставив сейчас за скобками анализ и оценку теории этноса, отметим лишь, что такая концептуализация предопределяла сохранение исследовательского интереса к этногенезу, этнической истории, традиционной материальной и духовной культуре народов, но одновременно она предполагала расширение тематики за счет все большего обращения к современности и к междисциплинарным ее исследованиям. Хотя в теории этноса были натяжки, она давала четкую дисциплинарную рамку и очерчивала предметное поле этнологии. Важно и то, что предлагавшаяся Ю. В. Бромлеем би-

нарная система этноса (выделение этникоса и этносоциального организма) позволяла отойти от жесткого набора признаков в определении этнической общности.

Теория этноса Ю. В. Бромлея произвела революционный переворот в советской этнографии. Можно согласиться с оценкой влиятельности этой теории, данной много позже С. В. Васильевым и С. В. Чешко на страницах «Вестника антропологии»: «В советское время, в эпоху безраздельного господства исторического материализма в его примитивной официозной интерпретации “историко-партийной наукой” (как и научных взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в целом), никаких иных крупных и самостоятельных — даже “относительно” самостоятельных — теоретических концепций не могло “иметь место быть”. <...> Единственным и почти невероятным в тех условиях исключением была “теория этноса” Ю. В. Бромлея...» (Васильев, Чешко 2016: 4).

Теория этноса содержала много натяжек, в том числе и идеологически обусловленных (в частности, этнические общности надо было непременно помещать в схему общественных формаций). Да и само определение этноса вызывало немало вопросов. На отсутствие удовлетворительного определения понятия «этнос», заглаженного в перечень признаков, ни один из которых не является универсальным, обращал внимание С. А. Токарев (в своих работах понятию «этнос» он предпочитал более широкое и использовавшееся учеными ранее понятие «этническая общность», уходя таким образом от не удовлетворявших его искусственностей теории этноса). В одной из своих статей, написанных еще до прихода Ю. В. Бромлея в этнографию, он предложил сделать определение более гибким, построив его вокруг связей, а не признаков, как это тогда было принято: «... чисто формальное, пока весьма предварительное, определение понятия “этническая общность” могло бы гласить: этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких видах социальных связей: общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если эта последняя сохраняется)» (Токарев 1964: 43). Вроде бы лишь замена «признака» на «связи», но ведь связи — это и результат определенной рационализации в определенной ситуации, в определенном контексте. На это определение стоило бы обратить больше внимания в начале 1990-х гг., когда жесткие споры предполагали лишь взаимоисключающий выбор между примордиализмом и конструктивизмом.

Фундаментальное противоречие теории этноса можно концептуализировать следующим образом: с одной стороны, констатация безусловного бытия этноса, его онтологичности, с другой — признание отсутствия надежных критериев определения, выделения этнической субстанции: все атрибуты этноса по отдельности оказывались самостоятельными социальными явлениями, но и никакая их комбинация также не образовывала этноса.

Разрешить это фундаментальное противоречие оказалось не под силу ни одной из модификаций и версий советской теории этноса, наибольшую влиятельность и известность среди которых имел вариант Ю. В. Бромлея. Хотя влияние его интерпретации было связано с важной административной позицией (постом директора академического Института этнографии) и званием академика, нельзя сбрасывать со счетов важные научные достоинства концепции Бромлея, одним из которых была беспрецедентно тщательная историографическая проработка проблемы. Претендуя на теоретический синтез, Ю. В. Бромлей пытался интегрировать и использовать в своей концепции основные достижения советской этнографии (Бромлей 1981; Бромлей 1987).

Возможно, поэтому и не возникало серьезных теоретических противоречий между его интерпретацией и другими версиями теории этноса, находившимися в русле официальной науки. В разработке этой теории в разное время участвовали такие видные советские этнографы, как В. И. Козлов, П. И. Кушнер, Л. П. Лашук, П. И. Пучков, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров и другие ученые. Важно отметить, что Чебоксаров, Токарев и Лашук были самым тесным образом связаны с кафедрой этнографии МГУ и обращались к теории этноса в своих лекционных курсах и публикациях (Лашук 1968; Токарев 1964; Чебоксаров 1967).

Если в интерпретациях этих ученых акцент делался на онтологии этнической общности, то в предложенной В. В. Пименовым «компонентной теории» этноса внимание было сфокусировано на гносеологических аспектах (Пименов 1977). Впрочем, это различие касалось скорее аналитического метода, не отделяя Пименова от лагеря этнографов, числивших этнос реальной сущностью.

Теория этноса и междисциплинарные синтезы

Концепция этноса советской этнографии 1960-х — 1980-х годов XX в., рассматривавшая этнос как сложную социальную систему и целостность, стимулировала формирование на стыке этнографии и смежных с ней наук пограничных дисциплин, изучавших этнические процессы в различных социальных средах, ситуациях и группах, а также влияние этнического фактора на процессы демографические, социальные, языковые. К числу этих дисциплин, в фокусе которых находилось сложное взаимодействие и пересечение различных аспектов этнического, социального, языкового, психологического и пр. относились этносоциология, этносоциолингвистика, этнопсихология, этнодемография, этноэкология и др.

Отечественными учеными они рассматривались как важный инструмент анализа современности, изучение которой в рамках этнографии стало, как уже отмечалось, одним из императивов того времени. Без обращения к изучению современности, современных форм проявления этничности этнология рисковала превратиться в дисциплину, пытающуюся ухватить уходящую архаику. Такое предметное расширение, используя аналогии более позднего времени, можно назвать этнологическим поворотом: происходило расширение предмета за счет инкорпорирования тематики смежных дисциплин. Но, в соответствии с теорией этноса, в центре оставалось изучение этнического фактора в предметных сферах смежных наук (например, этнического фактора в процессах демографического воспроизводства населения). Именно это сохраняло предметную целостность этнографии, создавая при этом почву и для других расширений. Как писал М. Н. Губогло, главная «культуртрегерская миссия теории этноса <...> выражалась в подготовке концептуального основания для аналитического разграничения этнического сообщества, как народа, и народа, как гражданской нации, представленной многоэтническим населением государства. Иными словами, путь к современному пониманию российской нации был проложен созданной Ю. В. Бромлеем теорией этноса» (Губогло 2016: 66).

Отметим также, что в тот период, когда раздвигались рамки советской этнографии, расширение исследовательских горизонтов было характерно, и даже в еще большей степени, для западной антропологии. Выделились и самоопределились на уровне самостоятельных научных обществ городская, гендерная, медицинская, по-

литическая и другие антропологии. Расширение предмета дисциплины принимало не все цеховое сообщество у нас, неоднозначно оно воспринималось и на Западе. В одном своем интервью В. А. Тишков отмечал: «Сами же западные антропологи начали жаловаться, что теперь антропологией стали называться почти все отрасли гуманитарного знания, и следует более четко определять собственные дисциплинарные границы, чтобы не потерять дисциплину вообще» (Тишков 2022: 198).

Освоение новых методик в отечественной этнографии сопровождалось подлинной эйфорией от открывавшихся возможностей: «Завораживал массовый материал анкетных опросов, привлекали методы корреляции признаков, машинной обработки материала и тому подобное» (Маркова 1995: 50). Однако эмпирические данные (принципиально новые для этнографии) требовали концептуального осмысления и создания новых теорий, возможности продуцирования которых были существенно ограничены политико-идеологической и социопрофессиональной рамкой советской этнографии. Тем не менее, возможность самостоятельного теоретизирования в новых предметных областях существовала и даже облегчалась, благодаря пионерному характеру (и, тем самым, отсутствию сковывающих традиций и ограничений) субдисциплин.

Вместе с тем их появление свидетельствовало о серьезных сдвигах в структуре и качественной определенности этнографии. По сути, речь шла о расширении предметных границ науки, которая, повернувшись к изучению современности, взяла себе в союзники новые дисциплины, точно так же как «традиционная» этнография проводила исследования в самом тесном сотрудничестве и даже симбиозе с фольклористикой, археологией, искусствоведением. Такое расширение было спровоцировано кардинальным изменением контекста объекта исследования — этнической традиции, которая, если несколько упростить, из деревни и истории переместилась в город и современность.

Возможны две концептуализации традиции — узкая и широкая, предполагающие соответственно различные объекты исследования. В рамках узкого понимания этнография фокусируется на изучении форм выживания, адаптации и взаимодействия традиционных структур и институтов со структурами и институтами Модерна. Иначе говоря, традиционная этнографическая тематика накладывается на настоящее и адаптируется к нему, в современности разыскивается традиция. В широкой концептуализации современность оказывается не антитезой этнокультурной традиции, а ее новым состоянием и развитием. В этом случае предмет этнографии потенциально охватывает всю современность, а не только ее взаимодействие с этнокультурной традицией. Подавляющее большинство точек зрения о предмете и задачах этнографии в сфере изучения современности, высказывавшихся со второй половины 1960-х гг. по середину 1980-х гг., в той или иной мере тяготели к этим двум методологическим позициям.

Междисциплинарные исследования, интеграция гуманитарного знания, обогащение этнографии методами, концепциями и методиками наук, преуспевших в изучении современности — все это выглядело одновременно вдохновляющей истораживающей перспективой. Настораживающей, так как скрывало опасность (пока потенциальную) — размывание качественной специфики этнографии, которой угрожало выпадение из семьи исторических наук, превращение из самостоятельной институционализированной дисциплины с четкими предметными границами в часть неструктурированного (преимущественно социополитического) знания о современ-

ности. Даже если эта опасность была гипотетической и весьма отдаленной, ее не могли не почувствовать представители профессионального сообщества, особенно из числа не понаслышке знакомых с длительной борьбой этнографии за самостоятельный статус и приверженных традиционной научной тематике.

Неудивительно, что первым публично проявил свое беспокойство С. А. Токарев — тонкий знаток истории отечественной этнографии, непосредственный свидетель ее взлета (трансформация этнографии в гуманитарную метадисциплину в 1920-х гг.) и падения (купирование ее теоретических аспектов и низведение до уровня вспомогательной дисциплины о первобытности в 1930-х гг.) в довоенном СССР (подробнее о нем см.: Казьмина 2024; Соловей 2022).

В статье 1967 г. «О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран» в присущей ему деликатной и ненавязчивой манере он обратился к уточнению предмета этнографии, разграничению задач этнографии и конкретной социологии в области изучения современного общества. Руководствуясь узким пониманием этнокультурной традиции, С. А. Токарев пытался наложить традиционную тематику на современность и выделить в ней профессиональные сюжетные линии. Формулируя специфическую проблематику этнографии и дифференцируя ее от социологии, ученый в то же время допускал их наложение: социолог, изучающий народ (объект этнографии), выступал, по мнению Токарева, как этнограф — и наоборот (Токарев 1967: 133–142). Таким образом, движимый пафосом определения четких границ этнографии и ее места в изучении современности, Токарев фактически принял неизбежность интеграции этнографии с другими науками о современности.

Необходимо признать, что расширение предметных рамок (в принципе) таило опасность для дисциплины, но определенным ориентиром того, до какой степени могут простираться границы расширения без угрозы потери предмета, служат ответы на вопросы, насколько результаты субдисциплин помогают понять функционирование и проявление этнического в современном мире, что они дают для описания характера и параметров его культурного многообразия, насколько они базируются на традициях материнской дисциплины, демонстрируют преемственность и вносят вклад в историографический багаж своего цеха. Подобный тест, например, проходили и проходят этнодемография (исследование этнического состава и его картографирование, изучение переписей населения, влияния этнокультурных факторов на параметры процессов воспроизводства населения) и этносоциология (изучение этнической и других идентичностей методами социологических опросов), хотя исследовательские сферы, демонстрирующие с ними преемственность, уже теперь обычно и не обозначают прежними наименованиями.

В советской этнографии начиная с 1970-х годов исследование современности, в том числе посредством смежных дисциплин, заняло важное место. Постепенно и в структуре учебной подготовки и научной деятельности кафедры этнографии МГУ формировался блок пограничных дисциплин, призванных постигать особенности современного этнокультурного развития. В частности, с 1991 г. стал преподаваться курс «Основы этнодемографии», а в 1994 г. появилось первое (и единственное) в России учебное пособие О. Е. Казьминой и П. И. Пучкова с тем же названием (Казьмина, Пучков 1994).

Можно утверждать, что именно в «бромлеевский период» отечественная этнография находилась в самой успешной и продуктивной фазе развития, впервые основательно подкрепив претензии на статус дисциплины, имеющей прочные теоретические

основания, претензии на право называться этнологией. Плодотворные междисциплинарные синтезы при сохранении качественной определенности этнографии/этнологии (ее обеспечивала именно теория этноса) расширяли исследовательскую перспективу и исследовательскую оптику, придавая последней отчетливое визионерское измерение.

Алармистская струя в публикациях (угроза размывания качественной определенности и дисциплинарных границ этнографии) С. А. Токарева в подобном вдохновляющем контексте была проигнорирована. Хотя статья Токарева взывала к дискуссии о предмете этнографии, на протяжении почти двух десятилетий обсуждение этой проблемы носило пунктирный и подспудный характер, приняв форму интенсивной публичной дискуссии лишь в 1987–1988 гг. (*Бромлей, Крюков* 1987; Обсуждение статьи: 1987; Обсуждение статьи: 1988), когда стал серьезно меняться общественно-политический контекст, и болевые точки советской науки можно было открыто и безбоязненно подвергнуть внутрикорпоративному обсуждению.

Подобная рефлексия дисциплинарных проблем, инициированная академиком Ю. В. Бромлеем, естественно выросла из внутринаучного контекста и предполагала длительное сугубо академическое обсуждение широкого круга профессиональных сюжетов, в первую очередь, теоретико-методологических оснований этнографии/этнологии. Однако крушение СССР, драматическая новая реальность, тотальное отвержение теоретического наследия советской этнографии, появление специфических линий размежевания внутри профессионального этнологического цеха, грубо прервали упомянутую рефлексии, резко изменив содержание и тональность дискуссии. Это уже был вопрос не предметных границ этнологии и потенциала междисциплинарных синтезов, а самого существования этнологии как дисциплины. Низвержение с «корабля современности» багажа советской науки и возведение на пьедестал «чужих богов» (концептов западной социально-культурной антропологии), объективно, не имело под собой серьезных оснований — с точки зрения интеллектуальной проработки, глубины и содержательности теоретическая советская этнография (и ее мегапродукт — теория этноса) не уступала ведущим западным течениям.

Тревога, высказанная С. А. Токаревым в момент наивысшего триумфа советской этнографии, в постсоветском контексте в фазе критического ослабления отечественной этнологии оказалась самосбывающимся пророчеством. Фактический отказ от «бромлеевского наследия» (теории этноса, концепта этноса/этничности) угрожал размыванием предметных рамок этнологии (ее качественной определенности) и стимулировал драматическую трансформацию профессиональной идентичности.

Союз академической и вузовской этнографии: от симбиотических отношений, через период сепарации, к организационно-кадровому взаимодействию и плодотворному сотрудничеству

Бромлеевский период отмечен еще одной важной вехой: новым уровнем сотрудничества головного академического института и головной университетской кафедры.

Логику взаимоотношений этих ветвей этнографической науки в самом общем виде можно описать следующим образом: от симбиоза предвоенных лет и послевоенных десятилетий, через сепарацию средней советской эпохи, к организационно-кадровому взаимодействию и плодотворному сотрудничеству в «бромлеевскую эпоху».

С момента создания университетской кафедры этнографии (1939) и в процессе ее институционализации в послевоенный период, для академического и университетского звеньев науки были характерны симбиотические отношения: преподаватели кафедры совмещали педагогическую деятельность с исследовательской работой в академическом институте (подробнее об истории кафедры см.: Соловей 2004; Соловей 2024). Основания подобного симбиоза были заложены С. П. Толстовым, который длительное время был и директором Института этнографии, и заведующим университетской кафедрой этнографии. Но даже после того, как в 1952 г. Толстов оставил заведование, этот симбиоз и принцип оставался неизбежным из-за кадрового дефицита, особенно остро ощущавшегося на кафедре этнографии, находившейся в фазе организационного укоренения и начального роста.

Подобный тип отношений сохранялся до 1960-х гг., когда явственно наметилось некоторое обособление кафедры этнографии от профильного Института этнографии АН СССР, значительную часть сотрудников которого к тому времени составляли выпускники той же кафедры.

Ослабление этих связей в определенном смысле было положительным признаком, свидетельствуя о научной и кадровой самодостаточности кафедры. Ее коллектив пополнялся теперь почти исключительно через кафедральную аспирантуру, а научный потенциал позволял собственными силами «закрывать» основные учебные курсы и темы (Соловей 2004; Соловей 2024). Университетская этнография уже могла позволить себе определенную автономизацию. Интенсивность научных связей двух крупнейших центров советской столицы — академического института и университетской кафедры — заметно снизилась, что было контрпродуктивным для обоих институциональных звеньев. Сохранявшиеся тесные личные отношения не компенсировали в полной мере потери от организационной и интеллектуальной сепарации.

Восстановление организационно-кадрового взаимодействия и научного сотрудничества Института этнографии и университетской кафедры произошло в 1970-е гг., когда академический Институт возглавлял Ю. В. Бромлей, а кафедре этнографии МГУ — Г. Е. Марков. И дело не только в смене лиц, хотя человеческий фактор явно присутствовал (весьма напряженные отношения между С. П. Толстовым и С. А. Токаревым и дружеские отношения между Ю. В. Бромлеем и Г. Е. Марковым). Возобновление связей строилось на принципиально иных основаниях.

Ключевым основанием стало теоретико-методологическое единство (теория этноса) советской этнографии и отчетливо выстроенные дисциплинарные границы, а также широко разделяемое представление о структуре профессиональной идентичности, конвенциональный научный язык и система понятий. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что это был не послевоенный (вынужденный) симбиоз, а сотрудничество самодостаточных интеллектуальных субъектов, отношения интеллектуальных партнеров, где кафедра была пусть младшим, но партнером академического Института, к тому же являвшимся его кадровым резервом.

Важнейшим звеном в структуре этого партнерства выступал лично академик Ю. В. Бромлей, задавая нормативистский канон подобных отношений. При Ю. В. Бромлее сотрудничество института и кафедры выпукло и зримо укрепилось. Директор института по совместительству работал профессором кафедры этнографии, знакомил студентов со своей теорией этноса, другими теоретическими раз-

работками, руководил дипломными работами некоторых студентов, брал к себе в аспиранты в институте выпускников, проявивших высокие способности и вкус к исследовательской работе. Восстановилась практика приглашения сотрудников института для чтения лекций на кафедре. Примечательно, что начал Ю. В. Бромлей свое преподавание на кафедре этнографии чтением спецкурса для небольшой группы, в котором знакомил студентов с содержанием своей книги «Этнос и этнография». Одним из студентов в этой группе был С. В. Чешко, вспоминая позже, сколь необычно для студентов было услышанное. А также он вспоминал и непонимание многих «традиционных этнографов», которым теоретизирования Ю. В. Бромлея казались «ненужным для этнографической науки занятием». С. В. Чешко также удивлялся, почему «академик, главный этнограф страны, директор академического института <...> снизошел до небольшой студенческой группы» (Чешко 2016: 8). Далее он предполагает, что Ю. В. Бромлей «таким образом пытался подготовить будущих исследователей к работе в новом теоретическом поле, просто приучая их к новым понятиям, к достаточно высокому уровню обобщений» (Чешко 2016: 9). Очевидно, и так. А, возможно, кроме этого Ю. В. Бромлей, как и другие крупные ученые до него, ценил ту обратную связь, которую дает студенческая аудитория. О ценности этой обратной связи мы можем прочесть, например, и в дневниках С. А. Токарева (Из дневников 1995: 190). Эта обратная связь важна для поддержания научной традиции. В 1970-е — 1980-е годы кафедрой и институтом поддерживался своего рода замкнутый цикл воспроизводства этнографических кадров. Одним из продуктов этого замкнутого цикла стало издание в 1982 г. под редакцией директора Института этнографии АН СССР Ю. В. Бромлея и заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Г. Е. Маркова вузовского учебника «Этнография» (Этнография 1982), авторами которого стали как преподаватели кафедры, так и сотрудники института. Тесное и органичное сотрудничество института и кафедры явно шло на пользу обеим институциям.

«Этнологический поворот» и «антропологический поворот»: границы расширения предмета

Границы предметного расширения этнографической/этнологической науки при этнологическом повороте во многом определяла сама приставка «этно-», пограничные дисциплины должны были раскрывать этническую специфику, скажем, демографических процессов, отображение на карте этнического состава либо этнографических особенностей, применение социологических методов к пониманию функционирования этнического в современном обществе и т. д., хотя постепенно собственно этническое разрасталось до более широкого культурного. В трудах, порожденных этнологическим переходом, отражались, используя фразу М. Н. Губогло, «исследования динамических аспектов этнического феномена» (Губогло 2016: 65).

А что может способствовать очерчиванию предмета при антропологическом повороте? Нам, профессорам кафедры этнологии МГУ, ответить на вопрос о том, что мы готовы включить в свой учебный план, легче. Учебный план кафедры этнологии в настоящее время сочетает изучение и традиционной этнографии, и современности, и различных междисциплинарных тем. Именно такое сочетание необходимо современному этнологу-профессионалу. Подготовка этнологов на кафедре включа-

ет как этнографическую базу, так и более сложные антропологические концептуализации. Мы осознаем, что социально-культурная антропология — очень широкая метадисциплина, включающая изучение самых разных сюжетов, и ее междисциплинарность может простираться очень далеко. Что мы берем из этого спектра? У нас есть четкий критерий — наше нахождение на историческом факультете. Нам важна та часть антропологического спектра, те междисциплинарные связи, которые помогают постичь этнокультурное многообразие мира в его исторической динамике. Именно поэтому в нашей программе есть курсы по лингвистической антропологии, антропологии города, антропологии религии и многие другие. А вот темы вроде антропологии звуков кладбища вряд ли вписываются в нашу специализацию. Тут мы полностью солидарны с академиком В. А. Тишковым. В отборе антропологических аспектов мы должны помнить об истории кафедры и ее традициях. Традиции междисциплинарности на кафедре и ее теперь уже состоявшийся антропологический поворот позволяют нам успешно изучать другие культурные идентичности, а не только этническую. Но и этническое не уходит и не должно уходить с кафедры этнологии исторического факультета Московского университета.

Если говорить не только об учебной дисциплине, то границы антропологического поворота и предмет социально-культурной антропологии, как нам видится, — это те междисциплинарные связи, которые помогают постичь многообразие современных культурно сложных гражданских наций и существующих внутри них сообществ, которые и определяют их культурную сложность, изучить различные и часто взаимосвязанные культурные идентичности (гражданскую, этническую, религиозную, языковую, гендерную, семейную, региональную, локальную и т. д.). Возможно, антропологический поворот, затронувший большинство гуманитарных и общественных дисциплин, не предполагает включения в предметное поле социально-культурной антропологии абсолютно всех сюжетов, при изучении которых используются антропологический инструментарий и антропологические подходы и методики. Что-то должно, наверное, остаться и у других социогуманитарных дисциплин. Ведь и бромлеевский этнологический поворот не приводил к сужению других дисциплин, но обогащал свою.

Научная литература

- Атлас народов мира / Отв. ред. С. И. Брук, В. С. Апенченко. М.: Главное управление геодезии и картографии Государственного геологического комитета СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, 1964. 184 с.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. Очерки теории и истории. М.: Наука, 1981. 390 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Бромлей Ю. В., Крюков М. В. Этнография: место в системе наук, школы, методы // Советская этнография. 1987. № 3. С. 45–60. Обсуждение статьи (выступления А. И. Першица, Ю. И. Семенова, С. И. Вайнштейна, Г. Е. Маркова, А. С. Мыльниковой) // Советская этнография. 1987. № 4; обсуждение статьи (выступления Г. В. Старовойтовой, С. А. Арутюнова, А. М. Решетова, В. П. Алексеева) // Советская этнография. 1987. № 5; обсуждение статьи (выступления Ю. В. Арутюняна, Н. А. Бутинова, В. И. Козлова, К. В. Чистова) // Советская этнография. 1987. № 6; обсуждение статьи (выступления В. Ф. Горленко, М. В. Крюкова, Ю. В. Бромлея) // Советская этнография. 1988. № 1.

- Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история. Современность. М.: Наука, 1987. 334 с.
- Васильев С. В., Чешко С. В. История науки — науке // Вестник антропологии. 2016. № 2. С. 4.
- Губогло М. Н. Аллюзии импрессионизма в этносоциологии // Вестник антропологии. 2016. № 2. С. 54–80.
- Из дневников С. А. Токарева // Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке) / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 159–305.
- Казьмина О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии. Учебное пособие. М.: Наука, 1994. 253 с.
- Казьмина О. Е. С. А. Токарев — ученый-энциклопедист, теоретик и практик // Сквозь годы и поколения. К 85-летию кафедры этнологии исторического факультета Московского университета / отв. ред. Т. Д. Соловей, О. Е. Казьмина, М. Н. Бахматова. СПб.: Алетей, 2024. С. 142–159.
- Карлов В. В. Ю. В. Бромлей и «бромлеевский период» отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021. №1. С. 9–23.
- Лаушук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // Советская этнография. 1968. № 1. С. 95–106.
- Маркова Л. В. Сергей Александрович Токарев: человек, ученый, педагог // Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке) / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 41–57.
- Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
- Народы мира. Этнографические очерки / Под общ. ред. С. П. Толстова. М.; Л., 1954–1966. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.
- Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнологии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI в.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
- Соловей Т. Д. История российской этнологии в очерках. XVIII — начало XXI века. М.: Этносфера, 2022. 612 с.
- Соловей Т. Д. Этнологическое образование в Московском университете: история становления и развития // Сквозь годы и поколения. К 85-летию кафедры этнологии исторического факультета Московского университета / отв. ред. Т. Д. Соловей, О. Е. Казьмина, М. Н. Бахматова. СПб.: Алетей, 2024. С. 11–61.
- Тишков В. А. Разговоры с этнографами. СПб., 2022. 296 с.
- Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–53.
- Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран // Советская этнография. 1967. № 5. С. 133–142.
- Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 94–109.
- Чешко С. В. О творческом наследии Ю. В. Бромлея // Вестник антропологии. 2016. № 2. С. 6–24.
- Численность и расселение народов мира / Под ред. С. И. Брука — Серия: Народы мира. Этнографические очерки. М.: АН СССР, 1962. 484 с.
- Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982. 320 с.

References

- Bromley, Yu. V. 1973. *Etnos i etnografiia* [Ethnos and Ethnography]. Moscow: Nauka. 283 p.
- Bromley, Yu. V. 1981. *Sovremennye problemy etnografii. Ocherki teorii i istorii* [Contemporary Problems of Ethnography. Essays on Theory and History]. Moscow: Nauka. 390 p.

- Bromley, Yu. V. 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow: Nauka. 412 p.
- Bromley, Yu. V. 1987. *Etnosotsial'nye protsessy: teoriia, istoriia, sovremennost'* [Ethnosocial Processes: Theory, History, Modernity]. Moscow: Nauka. 334 p.
- Bromley, Yu. V., and G. E. Markov (eds.). 1982. *Etnografiia* [Ethnography]. Uchebnik [Textbook]. Moscow: Vyschaia Schkola. 320 p.
- Bromley, Yu. V., and M. V. Kryukov. 1987. Etnografiia: mesto v sisteme nauk, shkoly, metody [Ethnography: Its Place in the System of Sciences, Schools, Methods]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 45–60. Obsuzhdenie stat'i [Discussion] (by A. I. Pershits, Yu. I. Semenov, S. I. Vaynshteyn, G. E. Markov, A. S. Mylnikov). *Sovetskaia etnografiia* 1987: 4; obsuzhdenie stat'i [discussion] (by G. V. Starovoytova, S. A. Arutyunov, A. M. Reshetov, V. P. Alekseev). *Sovetskaia etnografiia* 1987: 5; obsuzhdenie stat'i [discussion] (by Yu. V. Arutyunyan, N. A. Butinov, V. I. Kozlov, K. V. Chistov). *Sovetskaia etnografiia* 1987: 6; obsuzhdenie stat'i [discussion] (by V. F. Gorlenko, M. V. Kryukov, Yu. V. Bromley). *Sovetskaia etnografiia* 1988: 1.
- Bruk, S. I. (ed.). 1962. *Chislennost' i rasselenie narodov mira* [Population and Distribution of the Peoples of the World]. Seriya: Narody mira. Etnograficheskie ocherki. Moscow: Nauka. 484 p.
- Bruk, S. I., and V. S. Apenchenko (eds.). 1964. *Atlas narodov mira* [Atlas of the Peoples of the World]. Moscow: Glavnoe upravlenie geodezii i kartografii Gosudarstvennogo geologicheskogo komiteta SSSR, Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya Akademii nauk SSSR. 184 p.
- Cheboksarov, N. N. 1967. Problemy tipologii etnicheskikh obshchestv v trudakh sovetskikh uchenykh [Problems of the Typology of Ethnic Communities in the Works of Soviet Scholars]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 94–109.
- Cheshko, S. V. 2016. O tvorchestvom nasledii Yu. V. Bromleya [On the Scholarly Legacy of Yu. V. Bromley]. *Vestnik antropologii* 2: 6–24.
- Guboglo, M. N. 2016. Allyuzii impressionizma v etnosotsiologii [Allusions of Impressionism in Ethnology]. *Vestnik antropologii* 2: 54–80.
- Karlov, V. V. 2021. Yu. V. Bromley i «bromleevskiy period» otechestvennoy etnologii [Yu. V. Bromley and the “Bromley Period” of Russian Ethnology]. *Vestnik antropologii* 1: 9–23.
- Kazmina, O. E. 2024. S. A. Tokarev — uchenyy-entsiklopedist, teoretik i praktik [Tokarev — An Encyclopedic Scholar, Theorist and Practitioner]. In *Skvoz' gody i pokoleniia. K 85-letiiu kafedry etnologii istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta* [Through Years and Generations. On the 85th Anniversary of the Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow University], ed. by T. D. Solovey, O. E. Kazmina, M. N. Bakhmatova. Saint Petersburg: Aleteia. 142–159.
- Kazmina, O. E., and P. I. Puchkov. 1994. *Osnovy etnodemografii. Uchebnoe posobie* [Fundamentals of Ethnodemography. A Training Manual]. Moscow: Nauka. 253 p.
- Lashuk, L. P. 1968. Opyt tipologii etnicheskikh obshchestv srednevekovykh tiurok i mongolov [An Attempt at a Typology of Ethnic Communities of Medieval Turks and Mongols]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 95–106.
- Markova, L. V. 1995. Sergey Aleksandrovich Tokarev: chelovek, uchenyi, pedagog [Sergey Alexandrovich Tokarev: A Man, a Scholar, a Teacher]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank Fate for Meeting Him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — Scholar and Person], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 159–305.
- Martynova, M. Yu. (ed.). 2022. *Sovetskaia etnografiia v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Policy]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 556 p.
- Pimenov, V. V. 1977. *Udmurty. Opyt komponentnogo analiza etnosa* [The Udmurts. An Attempt at a Component Analysis of an Ethnos]. Leningrad: Nauka. 262 p.
- Solovei, T. D. 2004. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoi etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX — nachalo XXI v.)* [Power and Science in Russia. Essays on University Ethnography in a Disciplinary Context (19th–early 21st century)]. Moscow: Prometei. 498 p.

- Solovei, T. D. 2022. *Istoriia rossiiskoi etnologii v ocherkakh. XVIII — nachalo XXI veka* [The History of Russian Ethnology in Essays. 18th — the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Etnosfera. 612 p.
- Solovei, T. D. 2024. Etnologicheskoe obrazovanie v Moskovskom universitete: istoriia stanovleniia i razvitiia [Ethnological Education at Moscow University: History of Formation and Development]. In *Skvoz' gody i pokoleniia. K 85-letiiu kafedry etnologii istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta* [Through Years and Generations. On the 85th Anniversary of the Department of Ethnology, Faculty of History, Moscow University], ed. by T. D. Solovey, O. E. Kazmina, M. N. Bakhmatova. Saint Petersburg: Aleteia. 11–61.
- Tishkov, V. A. 2022. *Razgovory s etnografami* [Conversations with Ethnographers]. Saint Petersburg: Aleteia. 296 p.
- Tokarev, S. A. 1964. Problema tipov etnicheskikh obshchnostei (k metodologicheskim problemam etnografii) [The Problem of Types of Ethnic Communities (On Methodological Problems of Ethnography)]. *Voprosy filosofii* 11: 43–53.
- Tokarev, S. A. 1967. O zadachakh etnograficheskogo izucheniya narodov industrial'nykh stran [On the Tasks of Ethnographic Study of the Peoples of Industrial Countries]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 133–142.
- Tokarev, S. A. 1995. Iz dnevnikov S. A. Tokareva [From the Diaries of S. A. Tokarev]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke* [We Thank Fate for Meeting Him. About Sergey Aleksandrovich Tokarev — Scholar and Person], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: Insitut etnologii i antropologii RAN. 159–305.
- Tolstov, S. P. (ed.). 1954–1966. *Narody mira. Etnograficheskie ocherki* [Peoples of the World. Ethnographic Essays]. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Vasiliev, S. V., and S. V. Cheshko. 2016. Istoriia nauki — nauke [The History of Science — for Science]. *Vestnik antropologii* 2: 4.